

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

Факультет Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения

Шилова Анастасия Сергеевна

МОЛОДЕЖНЫЙ АКТИВИЗМ В ЕВРОПЕ И РОССИИ:

МОТИВАЦИЯ, БАРЬЕРЫ И ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ВКЛЮЧЕНИЯ

Выпускная квалификационная работа – БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

по направлению подготовки 39.03.01 «Социология»

образовательная программа «Социология»

Руководитель:

Старший преподаватель

Нартова Надежда Андреевна

Подпись студента

Подпись научного руководителя

Консультант (при наличии)

степень, звание

ФИО

Санкт-Петербург 2019

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Социальное включение молодежи в эпоху высокого модерна	7
1.1 Индивидуальные траектории, индивидуальные риски	7
1.2 Политические и социальное участие молодых людей.....	10
1.3 Что влияет на социальное включение?	15
Глава 2. Методология и эмпирическая база исследования.....	22
Глава 3. Социальное включение молодых людей. Мотивация, барьеры, эффекты.....	31
3.1 Мотивации социального включения.....	31
«Гомофобия толкнула меня в активизм».....	31
«Я родом из привилегированной семьи».....	33
Властные взрослые.....	34
3.2 Барьеры, препятствующие социальному включению	37
«Лучше не иди!».....	37
“Мы не знаем сфер участия, в которые мы можем быть вовлечены”	39
Разрыв между поколениями активистов.....	41
3.3 Эффекты социального включения	44
«По крайней мере я хорошо к себе отношусь».....	44
Развитие навыков, увеличение репертуара и профессионализация	45
Увеличение конфликтов как следствие увеличения видимости.....	48
«Мы правы, а вы ошибаетесь, вы аутсайдеры»	50
Заключение	54
Библиография	56

Введение

Несмотря на последние успехи человечества в различных областях, таких как технологии, наука, культура, современный мир продолжает сталкиваться со множеством проблем: стигматизация, дискриминация, неравенство, бедность. Во многих случаях национальные правительства и международное сообщество оказываются бессильными перед лицом новых вызовов. Вследствие чего происходит активный поиск путей преодоления возникающих сложностей. (Nartova et al., 2019).

Часто молодые люди рассматриваются как один из важнейших ресурсов для решения существующих задач, для дальнейшего экономического и социального развития (Athayde, 2009; Yoldaş, 2015). Однако, в тоже время некоторые группы молодежи регулярно отстраняются от принятия решений, стигматизируются, маргинализируются, маркируются как пассивные и аполитичные (Cammaerts et al., 2016). Несмотря на это, молодые люди являются активным агентом совершающихся перемен благодаря своему включению в различные низовые движения и инициативы, участию в точечных акциях и деятельности в различных некоммерческих фондах и организациях. (Ho et al., 2015).

Данное исследование фокусируется на опыте, действиях и ответах стигматизированных групп молодых людей, которые участвуют в различных социальных инициативах. Их взгляды, ценности и идентичности оказываются непринятыми «широким» обществом, что провоцирует конфликты с властью, сверстниками, членами семьи. Тем не менее, молодые люди ищут пути изменения существующего порядка, создания безопасных пространств, помощи сообществу, в которое они вовлечены.

Целью данной работы является анализ социального включения молодых активистов в Европе и России, стигматизируемых в связи с их образом жизни,

гендером, сексуальностью. В связи с этим нужно было выполнить следующие задачи:

Проанализировать, что подталкивает молодых людей к социальному включению

Выделить с какими сложностями сталкиваются молодые люди во время своей деятельности

Описать эффекты социального включения

Объектом исследования являются молодые люди, включенные в активистскую деятельность в Германии, России, Португалии и Хорватии.

Предметом исследования - социальное включение молодых людей.

Качественные данные, используемые в работе, собирались в 2017 году, затем в 2018 году было произведено их кодирование. Соответственно, данная ВКР сфокусирована на актуальном опыте социального включения молодежи в России (2 кейса) и странах Европы: Германии, Хорватии, Португалии. Работа построена на анализе вторичных качественных данных при помощи метода мета-этнографического синтеза.

Данные собирались в рамках международного проекта, в котором принимал участие «Центр молодежных исследований НИУ ВШЭ-СПб», «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for «conflicted» young people across Europe», реализуемом в составе программы исследований и инноваций Европейской комиссии ГОРИЗОНТ 2020 в 2016–2019 годах. Автор работы участвовала в двух этапах данного исследования. На первом этапе в рамках работы над кейсом «People living with HIV and HIV activists (St. Petersburg & Kazan)» было собранно 16 полуструктурированных биографических интервью и проведено 10 часов включенного наблюдения. Результаты работы были представлены в 2018 году

на конференции «XVII Annual Conference of Youth Studies» в Хельсинки¹. Кроме того, в соавторстве с Нартовой Н. А. и Крупец Я. Н. была подготовлена статья «HIV activism in modern Russia: from NGOs to community development»². На втором этапе проекта был проведен анализ кластера «Гендер и сексуальность» методом мета-этнографического синтеза. Результаты анализа были представлены Нартовой Н. А. и автором данной работы на конференции «PROMISE Final Conference» в Манчестере в 2019 году³.

В отличие от анализа кластера ВКР сконцентрирована на более узкой исследовательской задаче, и ее фокусом являются причины, подталкивающие молодых людей к социальному включению, барьеры возникающие на этом пути, а также эффекты социального включения.

Данная работа состоит из трех основных частей: первая глава посвящена анализу литературы о социальном включении молодежи, вторая глава содержит описание данных и методологии исследования, третья описывает результаты проведенного анализа.

¹<https://www.youthresearch.fi/seminars/annual-conference-of-youth-studies/annual-conference-of-youth-studies-2018/parallel-sessions/parallel-sessions-ii>

² Nartova, N., Krupets Y., Shilova, A. (2019). HIV activism in modern Russia: from NGOs to community development, *Community Development Journal*, bsy065, <https://doi.org/10.1093/cdj/bsy065>

³ <http://www.promise.manchester.ac.uk/en/final-conference/>

Глава 1. Социальное включение молодежи в эпоху высокого модерна

1.1 Индивидуальные траектории, индивидуальные риски

Процесс глобализации, начавшийся во второй половине XX века, продолжает изменять наш мир, не только предоставляя новые возможности, но также и создавая новые риски. Наряду со множественными достижениями в медицине, технологическом развитии, ростом общего благосостояния, общество вынужденно сталкиваться с новой волной трудностей и конфликтов. При этом национальные государства оказались неспособны справиться с большей частью проблем, которые имеют значение для жизни своих граждан. Мировые финансовые кризисы, угроза экологической катастрофы, террористические акты – все это вызовы, которые не могут быть решены в рамках правительств отдельных стран. Таким образом, политические лидеры не могут более представлять интересы граждан, а государственные учреждения все больше теряют свою легитимность с потерей веры населения в их эффективность. (Бауман, 2008; Beck & Beck-Gernsheim, 2001; Гидденс, 2004).

Одним из следствий постоянного умножения рисков, неуловимости их причин и беспомощности «большой политики» перед существующими проблемами является тенденции поиска тех, на кого можно было бы переложить ответственность за происходящее. Появляются политические и социальные течения, создающие и распространяющие идеи о том, что конкретные группы населения являются ответственными за безработицу, экономический и политический кризис, волны насилия и другие проблемы современности. Такой группой часто становятся те, кто находится на периферии общества, в силу различных причин (например, возраста или религии) не имея возможности устанавливать крепкие связи с другими его членами. При этом, стигматизированная группа, обладая необходимой степенью отличия, которая всегда позволит четко определить ее членов, не

должна находиться слишком далеко, важно, чтобы она обладала также и явным сходством с членами «большого» общества. (Бауман, 2008).

Такое символическое «жертвоприношение» позволяет не только создать видимость контроля над существующими опасностями, но также хотя бы на короткий промежуток времени создать ощущение коллективного «мы», противопоставив себя «им», так как вместе с появлением новых глобальных рисков одной из важнейших характеристик современности, к которой обращались такие классики теории модерна как Гидденс, Бек и Бауман является тенденция к индивидуализации. Индивидуализация представляет собой процесс, где идентичность более не дана, ее необходимо найти, а точнее создать. Отсутствие жестких паттернов выстраивания жизненного курса, их пластичность и изменчивость позволяют людям формировать свои собственные биографические проекты. Теперь важным становится стать тем, кем ты являешься, создавая самостоятельно свою биографию наподобие конструктора, а не следуя уже предложенной и определенной заранее модели. Биографии становятся «авторerefлексивными» и рассматриваются как задачи, зависящие от индивидуальных решений. Людям больше не нужно бороться за свободу выбора, процесс самореализации теперь априорно подразумевает «политику выбора», решающую вопрос «кем я хочу быть» (Бауман, 2008; Гидденс, 2004; Бек 2000).

Однако, вкупе с возможностью выбора приходит необходимость совмещать часто противоречащие друг другу требования, неуверенность в том, какой именно путь надо выбрать, а также необходимость самолично нести существующие риски. Так как конечная цель теперь не определена, а старые признаки успеха больше не работают, люди оказываются вынужденными постоянно задавать себе вопрос, действительно ли они движутся в нужном направлении, действительно ли избранная дорога верна. При этом вся ответственность за случившиеся неудачи, «неверные» выборы ложится сегодня на плечи отдельного человека. Болезнь становится

результатом личной безответственности и нежелания вести здоровый образ жизнь, бедность оказывается следствием лени и пассивности, одиночество – неспособности быть в достаточной мере коммуникабельным. Однако, риски, с которыми приходится сталкиваться каждому отдельному человеку часто имеют системную природу, вследствие чего их невозможно решить на личном уровне. Тем не менее, политическая составляющая этих рисков часто упускается. И общественные кризисы начинают рассматриваться как индивидуальные.

В данном контексте все большее распространение приобретает этика, которая базируется на принципе «обязанностей по отношению к самому себе», и вытекает из необходимости быть ответственным за построение своей биографии. Данный этический принцип часто проблематизируется, так как, исходя из него, сложно представить объединения людей ради совершения коллективного действия на благо группы. С другой стороны, такая перспектива не принимает во внимание политический потенциал, который содержится в этой новой этике. Процесс самоосвобождения, зарождающийся в частной сфере, включает в себя постоянный поиск новых форм связей в различных сферах: семья, дружеские отношения, политика, труд. Он позволяет производить изменения в рамках макроструктур через непосредственные усилия по изменению собственной повседневной жизни. Это становится особенно важным, учитывая, что старые политические структуры плохо подготовлены для борьбы с актуальными индивидуальными и глобальными проблемами, требующими новых подходов (Бек, 2000).

Так Бек (Beck, 1997) выделяет три классических способа концептуализации политики в политических науках: (1) институциональное конституирование политического сообщества (государство); (2) содержание политических программ, которые формируют социальные условия (политические курсы); (3) политический конфликт из-за разделения власти и властные иерархии (политическая борьба). Однако, как отмечает Бек, во всех

этих подходах к пониманию политического не предполагается существования индивидуального измерения борьбы, что не соответствует современной ситуации и существующей тенденции к индивидуализации. По этой причине Бек предлагает новую перспективу, отраженную в понятие субполитика. Субполитика представляет собой ситуацию, когда активными членами социальных изменений оказываются не привычные политические институты, но различные организации, профессиональные группы, активистские сообщества, отдельные люди.

Таким образом, в эпоху высокого модерна усиливается тенденция к индивидуализации, влекущая за собой разнообразные последствия. Порождаемая ею свобода идет рука об руку со страхом неопределённости и бременем личной ответственности за любые, в том числе структурные неудачи. Это в свою очередь ведет к таким изменениям в политическом поле, как упразднение политической составляющей многих структурных проблем (например, бедности) и в тоже время расширение понимания политического, которое начинает охватывать также и повседневные практики.

1.2 Политические и социальное участие молодых людей

Социальное включение (social engagement) – это зонтичный термин, объединяющий политическую, моральную и социальную компоненты. Спектр активностей, которые включает в себя данное понятие варьируется от просмотра политических шоу и осознанного потребления до участия в акциях протеста. Все они могут быть разделены между двумя категориями: явное политическое участие (manifest political participation) и латентное политическое участие (latent political participation) (Ekman and Amna, 2012).

В первую группу входят все те действия, целью которых является непосредственное влияние на принимающиеся политические решения и шире на существующую политическую ситуацию: забастовки, участие в выборках, акции протеста, подписание петиций. Длительное время доминирующим

подходом в концептуализации гражданского и политического поведения молодежи в демократических режимах являлось рассмотрение исключительно этих более традиционных форм гражданственности (Brady 1999; Westheimer and Kahne, 2004; Montero et al., 2007;). Идея традиционного политического участия опирается на предпосылку, что политическая воля граждан будет услышана, а их политические интересы в свою очередь будут реализованы в ходе избирательного процесса. Однако, сегодня во многих демократических режимах можно наблюдать низкую или падающую избирательную явку, а также низкий уровень доверия к таким политическим институтам как правительство, парламент, государственная служба, политические партии и система правосудия (Hill, 2006; Hooghe, 2014; Guiso et al., 2016). При этом данные тренды наиболее сильны среди молодежи, что было отмечено Норрисом еще в 2003 году: «Считается, что политическое разочарование затрагивает всех граждан, но молодые люди особенно разочарованы основными институтами представительной демократии, которые вызывают у них безразличие (в лучшем случае) или отчуждение (в худшем случае)» (Norris, 2003, стр.2). Действительно, исследования последних двух десятилетий в различных странах фиксируют снижение молодежного участия в формальной политике (Marsh et al., 2007; Henn et al., 2005; van Biezen et al., 2012). Так, например, согласно анализу результатов Европейского барометра за 2016 и 2017 годы для 10 стран⁴, уровень доверия молодежи политическим партиям нигде не превышает 10%, за исключением Германии 20% и Словакии 16%⁵. Однако, интерпретации данных трендов существенно разнятся. В некоторых случаях предполагается, что корень проблемы лежит в неумение

⁴ Хорватия, Португалия, Испания, Италия, Россия, Великобритания, Испания, Эстония, Финляндия, Словакия, Германия

⁵ PROMISE. National Report level 2 (Collection of short comparative country reports) – February 2019. <http://www.promise.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2019/02/National-Report-level-2-Collection-of-short-comparative-country-reports-February-2019.pdf>

современных политиков вовлечь молодых людей в активную деятельность. Так, отказ политической элиты принимать во внимание жизненный стиль молодых людей, их опыт и мнения, а также неудобная и устаревшая система голосования называются в качестве причин для объяснения того, почему молодые люди отказываются от политического участия (Bessant, 2004; Kemberlee, 2002). Кроме того, в качестве возможных объяснений говорится об отсутствии у молодежи интереса к политической повестке (Wattenberg, 2006) или ощущении невозможности оказать влияние на существующую ситуацию (Blais et al., 2004).

Одну из наиболее известных классификаций исследований отвечающих, на вопрос, почему молодые люди не голосуют предложил Кимберли (Kemberlee, 2002). В своей работе он разделил существующие исследования на четыре группы. Первая группа «фокус на молодежи» (youth focused) объединяет исследования, в которых отказ от социального участия объясняется через социальный бэкграунд или возраст молодых людей. Так ключевыми барьерами в данных исследованиях называются высокая мобильность, забота о поиске работы, отсутствие регистрации для голосования. Данные черты рассматриваются как особенности жизненного цикла, характерные для молодого возраста. Вторая группа представляет собой исследования с «фокусом на политике» (politics focused). В этом случае утверждается, что сегодняшние политические компании и политические партии являются оторванными от реальности, скучными и не имеющими никакого отношения к действительным проблемам и нуждам молодых людей. Третий подход, объединяет работы, прибегающие к «поколенческому объяснению» (generational explanations). В рамках данного подхода предполагается, что причина кроется в уникальности социального и политического контекста, в котором живут сегодняшние молодые люди. Последняя группа, которую выделил Кимберли прибегает к объяснению через «альтернативные ценности» (alternative values explanations). В нее включены

исследования утверждающие, что сегодняшнее молодое поколение имеет иную по сравнению с предыдущими ценностную систему, согласно которой оно отвергает институционализированные формы политического участия и сосредотачивает свои интересы вокруг прав конкретных групп. Стоит отметить, что в данном случае речь идет скорее об изменении формы социального участия, чем об отказе от него. Первые три группы исследований, которые выделил Кимберли объединяет заключение о распространение среди молодых людей Европы желания максимально отстраниться от политики, или иначе о существующем сегодня кризисе гражданственности (Mair and van Biezen, 2001). Однако, данное утверждение является крайне противоречивым, и последний подход, приводящий в качестве причины наличие у молодежи альтернативных ценностей, представляется более релевантным по ряду причин, которые будут раскрыты далее.

Действительно, молодые люди критически относятся к актуальной политической ситуации, в частности по таким причинам как непрезентированность некоторых групп населения, коррупция на различных уровнях, невовлеченность простых граждан в решение важных вопросов (Cammaerts et al., 2014). Тем не менее, сами идеи демократического режима и социального участия видятся молодыми людьми как важные и правильные (Bruter & Harrison, 2009; Pattie et al., 2004). Кроме того, результаты исследований показывают, что сегодня молодые люди активно ищут новые пути для реализации своей политической позиции вне институциональной политики. Латентные формы социального участия, в которые интенсивно вовлекаются молодые люди включают в себя определенный стиль жизни, потребительские практики, ценностные приоритеты, волонтерскую работу с локальными сообществами, участие в экологических и городских инициативах, политику идентичности (Stolle et al., 2005; Fiorina, 2002).

В существующей литературе имеется большое количество различных терминов, которые призваны охватить этот новый феномен отказа от явного

политического участия в пользу его латентных форм: партисипаторное гражданство (Vromen, 2003; Ruby, 2008), микрополитика (Alldred & Fox, 2019; Nan, 2018), повседневная политика (Vromen & Collin, 2010, Riley et al., 2010). Несмотря на ряд терминологических нюансов, данные понятия объединяет ряд характеристик. Во-первых, это нацеленность на решение очень локальных и конкретных задач здесь и сейчас, которые являются значимыми для членов данной группы. То есть речь идет о том, чтобы в первую очередь пытаться повлиять на существующую ситуацию не через законодательные реформы и другие институциональные изменения, а через создание групп взаимопомощи, информирование своих друзей и близких о существовании тех или иных проблем, демонстрацию поддержки какой-то группы посредством ношения определенной атрибутики, изменение своего собственного образа жизни. Таким образом, молодые люди значительно расширяют спектр возможных форм социального включения. Например, переработка мусора является личным, повседневным действием, которое, тем не менее, связано с политической повесткой. Озабоченные ухудшением экологической ситуации молодые люди часто сосредотачиваются на индивидуальных стратегиях защиты окружающей среды, позволяющих им производить хоть небольшие, но немедленные изменения (Harris et al., 2010). Вторая характерная черта, неразрывно связанная с предыдущей, это нежелание взаимодействовать с политическими институтами, государственными органами и тд. Как было сказано выше, данная позиция связана с недоверием, которые молодые люди ощущают к существующим институтам, ощущением того, что попытки взаимодействия с ними не приводят к ощутимым результатам, а являются лишь пустой тратой времени и сил, и кроме того, прочно ассоциируются с властными отношениями, в которых молодые люди оказываются в подчиненном положении. В-третьих, чрезвычайно важным оказывается межличностный компонент. Он проявляется в возможности ощущать сопричастность с другими членами движения, делиться различным опытом,

устанавливать и поддерживать эмоциональные связи. Значимую роль в данном контексте часто играет Интернет, который позволяет и делиться волнующими проблемами с широким кругом знакомых, и поддерживать постоянный контакт между теми, кто включен в движение. Так он может способствовать формированию коллективного «мы» вокруг какого-либо вопроса или проблемы. Постепенно через развитие межличностных контактов, связей между различными сообществами и движениями это может привести к активному противостоянию с «они» - более широким обществом или правительством, которые отказываются осуществлять необходимые изменения или, например, принимать группу как легитимную. (Bacardjieva, 2009)

Таким образом, утверждение об апатии молодых людей представляется не более чем «мифом» (Brooks and Hodkinson, 2008). Очевидна необходимость переопределения самого понятия гражданственности, которое не может больше включать только явные формы политического участия, но должно пониматься также как культурный феномен (Stevenson, 2003), охватывающий всю множественность жизненного опыта на локальном уровне и участие в неформальной политической деятельности. Формы политики, в которые вовлекаются молодые люди для достижения своих целей включают множество различных практики, которые традиционно исключались из понятия политического, но которые, однако, воспринимаются молодыми людьми как таковые.

1.3 Что влияет на социальное включение?

Изменения, произошедшие в сфере молодежного социального включения, таким образом становятся очевидны, однако, в чем заключается причина этих изменений? Кто именно, оказывается, вовлеченным? И что этому способствует? Почему и как различаются способы участия? Отвечая на

данные вопросы, можно выделить ряд причин, способных оказывать влияние на политическое включение.

Часть исследователей, пытаясь объяснить существующие различия между репертуарами действий, обращается к макроуровню, структурным различиям, которые могут оказывать влияние на социальное участие. Важное место внутри данного подхода играют структуры политических возможностей, которые понимаются, как набор факторов, объясняющих, почему в данном контексте наиболее распространен определенный тип политического действия. Следуя классическому определению Таррова, структуры политических возможностей – это «последовательные - но не обязательно формальные или постоянные - аспекты политической среды, которые стимулируют людей предпринять коллективные действия, влияя на их ожидания успеха и неудачи». При этом существует разделение на «входные» (input) и «выходные» (output) структуры. Первые определяют открытость системы для новых игроков, вторые – способность формулировать и проводить политику, превращая требования граждан в реальные изменения (цит. по De Moor, 2016, стр.1). Что касается элементов, входящих в структуры политических возможностей, то здесь существуют различные варианты, один из них: (1) относительная открытость или закрытость политических институтов (2) стабильность или нестабильность набора политических инструментов, которые поддерживают функционирование системы (3) наличие или отсутствие союзников среди элит (4) возможности государства и его склонность к репрессиям (McAdam, 1996). Однако, как пишет Мэйер в своей работе (Meyer, 2004), проведя анализ, имеющихся результатов исследований, невозможно однозначно сказать как «в общем» степень открытости политических структур будет влиять на неинституциональные формы социального включения. Во-первых, существуют множество конкурирующих формулировок гипотез. Например, в одном случае закрытость систем рассматривается как ограничение, а в другом как

мотивация для мобилизации. Во-вторых, отсутствует какой-либо консенсус по поводу того, какие элементы входят в структуры политических возможностей. В-третьих, влияние, оказываемое на различные движения, может отличаться от случая к случаю. Например, хорошо устоявшиеся точечные движения, ориентированные на решение конкретных проблем более активны в случае вытеснения из институциональной политики, в то время как для групп, оказавшихся на периферии, часто оказывается важным иметь институциональные входы.

Кроме того, как указывает де Мур, в рамках данной теории мало разработана связь между микро- и макроуровнями. Однако, большинство существующих сегодня теорий предполагает, что граждане, планируя свое участие, анализируют существующие у них возможности для участия и в зависимости от этого корректируют используемые репертуары действий (Opp, 2009; Hooghe and Marien, 2013). Так, например, в своей работе Брун и Хаттер (Braun&Hutter, 2014), объясняя положительную корреляцию между недоверием политическим институтам и внепредставительным участием (*extra-representation participation*), следуют идеи «критических граждан» или иначе «критических демократов», то есть тех, «кто знает об основных характеристиках либеральной демократии и верит, что важно жить в демократическом государстве, но остается недоволен тем, как работает демократия» (Norris, 2011, стр.2).

Теория структур политических возможностей позволяет обратиться к контексту и в некоторых случаях объяснить вариативность практик социального включения, однако, она не дает возможности увидеть то, почему те или иные люди вовлекаются в активистскую деятельность. Для этого необходимо обратиться к теориям, уделяющим внимание конкретным людям, их личным траекториям и жизненным обстоятельствам. Одно из базовых объяснений, к которому прибегают исследователи в данном случае, это различие в социально-экономическом статусе индивидов. Так, согласно

результатам ряда работ, молодежь из более низких социально-экономических слоев, включая представителей этнических меньшинств и семей иммигрантов, имеет более низкий уровень гражданских навыков и политических знаний по сравнению с молодыми людьми, обладающими более высоким социально-экономическим статусом (Garcia Bedolla, 2012; Levinson, 2012). Например, исследование социального включения молодых людей в Финляндии показало, что более высокий экономический статус семьи в 2004 году предсказывал более высокий уровень гражданского участия в 2014 году (Lechner et al., 2018). Кроме того, в ряде исследований особое внимание уделяется образовательному статусу, который, хотя и обладает сильной связью с социально-экономическим положением, тем не менее и сам по себе оказывается тесно связан с политическим участием: молодые люди, имеющие высшее образование, чаще и активнее включаются в различные социальные и политические инициативы вне зависимости от размера своей заработной платы (Bovens & Wille, 2008; Bonnesen, 2018).

Другим важным фактором, влияющим на социальное участие, оказывается окружение молодых людей. Исследователи часто обращаются к вопросу о том, как молодые граждане развивают ключевые навыки и способности, необходимые для полноценного и эффективного участия в демократических процессах. В данных исследованиях подчеркивается центральная роль общения дома, в школе, среди друзей, а также в онлайн-пространстве, так как это позволяет наращивать возможности, мотивацию и опыт, способствующие социальному включению. В данном контексте существует несколько пространств, которые необходимо рассмотреть. Во-первых, часть исследований фокусируется на роли семьи в социальном включении молодых людей. В процессе социализации родители часто подталкивают своих детей к тому, чтобы те занимали активную или пассивную гражданскую позицию. Это может происходить, например, в процессе обсуждения существующих социальных и политических проблем

или через рассказы о своем личном опыте (Youniss et al., 2002; Pacheco 2008). Так, исследование 18 Европейских стран зафиксировало положительную корреляцию между социальным включением родителей и детей во всех рассматриваемых странах вне зависимости от индивидуальных и культурных различий (Quaranta & Dotti Sani, 2016).

Во-вторых, ряд исследований рассматривает влияние “peer group”, друзей, школьного сообщества, участия в различных школьных университетских инициативах, а также роль Интернета, который является важной площадкой для коммуникации молодых людей (Kahne & Westheimer, 2003; McLeod & Shah, 2009; Ekström, 2016; Campos et al., 2017). К примеру, анализ данных в США показал, что участие в совещательных мероприятиях в классе и демократические нормы сверстников способствуют гражданской активности среди молодежи. Однако, это влияния со стороны сверстников оказываются в основном косвенными: оно работает через использование как традиционных, так и новых медиа, а также через выражение и обсуждение политических идей за пределами школьного и домашнего пространств. В частности, в данном исследовании подчеркивается значимость форм социального включения, сосредоточенных на потреблении новостей и выражении своей политической позиции при помощи цифровых технологий (Lee et al., 2013).

Также для молодежного включения оказывается важным такой личный опыт, как возможность быть услышанными (в том числе со стороны взрослых), чувство солидарности с другими, ощущение социальной сплоченности (Flanagan & Christens 2011, Wray-Lake et al., 2015). Например, в одном из исследований, проведенных в США было обнаружено, что молодежь с более тесной связью со своими соседями имеет более высокий уровень гражданского доверия, а также с большей вероятностью принимает участие в выборах, волонтерских инициативах и чаще помогает другим членам своего сообщества (Duke et al., 2009). Однако, уже в 1970 году Фрейер высказал

предположение, что члены стигматизированных и дискриминированных групп могут оказываться наиболее активными социальными и политическими участниками, готовыми бороться за свои права и свободы (Freire, 1970). Опыт переживания неравенства, ущемления своих прав, насилия может оказаться важным фактором для социального участия. Включение в сообщество предоставляет своим участникам возможность справиться с испытанными негативными эмоциями и утвердить свою идентичность как легитимную (Britt & Heise, 2000; Charles et al., 2018). Кроме того, говоря о личных мотивациях, подталкивающих молодых людей к социальному включению, можно выделить такие типы как: (1) личная реализация через помощь другим (2) личные сложности/конфликты; (3) профессиональные причины; и / или (4) воплощение своих идеалов и принципов на практике (Rossi, 2009).

Следовательно, можно увидеть, что тема социального включение молодых людей привлекает к себе внимание значительного количества исследователей. Тем не менее, их фокус существенно различается. Анализ на макроуровне позволяет увидеть, какие движения обретают влияние на политической арене и как само устройство политического поля влияет на возможности активистов. Однако, сами активисты с такого ракурса оказываются не видны. Понять, что подталкивает конкретного человека к социальному включению помогает микроперспектива, берущая во внимание такие факторы, как класс, образование, окружение, личный опыт.

Таким образом, процесс глобализации несет с собой двойные последствия. Расширение пространства свободы благодаря увеличению возможностей выбора между различными стилями жизни, биографическими траекториями, идентичностями сопровождается появлением новых рисков и новых стигматизированных групп, а также повышением личной ответственности за любые неудачи. Поэтому в настоящее время, когда старые политические институты оказываются неэффективны, молодые люди все чаще отказываются принимать участие в институциональной политике, что

провоцирует заявление об аполитичности молодежи. Однако, отказ от голосования не может быть приравнен к отсутствию интереса к общественной жизни, так как молодые люди находят иные формы политического включения. Анализируя причины социального включения молодежи, часть исследователей сосредотачивается на структурах условиях, которые, в рамках такого подхода, видятся решающими, как для возможности включиться, так и для выборов репертуара. Другой же подход обращается к самим молодым людям. Доминирующим способом объяснения в данном случае оказывается статусная модель, сосредоточенная на классовых различиях. Однако, это не позволяет нам увидеть личных траекторий социального включения молодых людей, понять их мотивации, существующие на этом пути препятствия, а также социальные эффекты, оказываемое социальным включением на жизнь молодых людей. Данные темы и являются фокусом нашей работы.

Глава 2. Методология и эмпирическая база исследования

Для достижения поставленной цели в качестве метода анализа был использован мета-этнографический синтез, позволяющий работать с большим объемом качественных данных. Хотя изначально, будучи применяемым в первую очередь в области медицинских исследований, мета-этнографический синтез предполагал работу с уже опубликованными результатами исследований, он также позволяет осуществлять вторичный анализ качественных данных (Marcus, 2011). Это делает данный подход особенно актуальным для больших транснациональных исследований, в которых, с одной стороны, каждый кейс проводится в своем уникальном культурном и лингвистическом контексте силами национальной исследовательской команды, а с другой, имеется необходимость, учитывая существующие различия, увидеть какие-то общие тренды, принимая во внимание имеющиеся особенности.

В основе мета-этнографии лежит интерпретационный синтез имеющихся данных, который принципиально отличается от агрегации результатов имеющихся исследований, а также интерпретации существующих интерпретаций. Мета-этнографический синтез позволяет создавать новые теории и концептуальные решения, которые не могут быть достигнуты в результате работы над материалами, собранными в рамках отдельного кейса. Это происходит благодаря процессу, в котором сначала идентифицируются интерпретации, предлагаемые «оригинальными» исследователями, а затем создаются новые, которые выходят за рамки первоначальных исследований (Campbell et al., 2011). Таким образом, задачей исследователя в процессе мета-этнографического синтеза является взаимный перевод различных кейсов, трансляция идей, концепций, метафор с сохранением изначальной структуры между понятиями в каждом конкретном исследовании. При этом существует три способа того, как исследования могут соотноситься друг с другом в рамках мета-этнографического синтеза: (1) взаимная трансляция, то есть прямое

сопоставление (reciprocal translations); (2) опровержение перевода, то есть противостояние друг другу (refutational translations); (3) линия аргумента, то есть взаимодействие (a line of argument) (Britten et al., 2002).

Интерпретативный подход, в котором укоренен мета-этнографический синтез, предполагает, что высокий уровень обобщаемости может достигаться не только при помощи статистических данных, но и благодаря «идеографическим обобщениям». При этом для мета-этнографического синтеза, оказывается, принципиально важным сохранить контекстуальные особенности, которые рассматриваются как неотъемлемая и важная часть реальности, которой нельзя пренебрегать. В этой связи использование мета-этнографического синтеза к первичным данным, а не к уже опубликованным, представляет лучшие возможности для сохранения политического, социального и культурного контекста (Pilkington, 2018).

В качестве эмпирической базы исследования были использованы данные, полученные в ходе предыдущего этапа проекта «Promoting Youth Involvement and Social Engagement (PROMISE)». Целью данного проекта является изучение реакции молодых людей на опыт стигматизации, дискриминации и пребывания в конфликте с публичным мнением, властями, медиа⁶. В рамках данного проекта были проведены 22 кейс-стади в десяти странах. Основные методы, использованные в ходе исследования: полуструктурированные биографические интервью и включенное наблюдение.

В дальнейшем все кейсы были распределены между четырьмя тематическими кластерами, связанными со сферами включения молодых людей. В данной работе были анализированы данные пяти кейсов, входящих в четвертый кластер, объединяющий кейсы, в которых молодые люди сопротивляются стигматизации на основе образа жизни, гендера,

⁶ <http://www.promise.manchester.ac.uk/en/about-promise/>

сексуальности. Согласно Гоффману (Goffman, 1963), основная особенность жизни стигматизированного индивида сопряжена с проблемой «принятия» (acceptance), то есть индивид оказывается лишен положения «нормального» человека в «большом» обществе, на которое он мог бы рассчитывать, на основании других аспектов его социальной идентичности.

Кейс “Молодые мусульманские женщины «Нео-Мусульманки»? Социальное включение молодых мусульманских женщин, Германия” (ММЖ) содержит данные о молодых женщинах, которые приняли решение носить хиджаб и в повседневную жизнь которых активно включены исламские религиозные практики (например, молитва, пост, ношение хиджаба). Кроме того, все информантки были активно вовлечены или хотели активно участвовать в жизни общества. Несмотря на различие в типах вовлеченности, можно выделить три основные цели их деятельности: снижение предубеждений и содействие социальной сплоченности; укрепление солидарности и самосознания среди мусульман; желание быть образцом для подражания, способствуя вовлечению и участию других. Интервью проводили в трех северогерманских городах с женщинами, которые имеют различное социальное происхождение. Однако, все они обладают полным средним образованием. Средний возраст составил 23,6 лет.

Кейс «Zagreb Pride ЛГБТИК НКО, Хорватия» (ЗП) включает в себя информацию об активистах организации «Zagreb Pride», которая была основана в 2008 году. До этого, начиная с 2002 года, ежегодно проводился марш «Zagreb Pride». Сегодня это квир-феминистская и антифашистская организация, которая стремится к созданию общества, основанного на солидарности и равенстве, свободного от гендерных стереотипов и других видов угнетения. Текущая деятельность «Zagreb Pride» может быть разделена на три основных типа: защита прав ЛГБТИК-лиц; образование, исследования и публикации; работа на сообщество. В последние годы, за исключением организации марша «Zagreb Pride», была проведена интенсивная работа над

законодательным предложением «Закон о партнерстве между людьми одного пола», который был принят в 2014 году. Кроме того, с 2010 года существует бесплатная юридическая служба, помогающая жертвам преступлений на почве ненависти к ЛГБТИК. Также «Zagreb Pride» организовала группу поддержки для старшеклассников «Queer Teens», где под наблюдением социального работника собирается от 5 до 15 молодых ЛГБТИК-людей. Организация состоит из Ассамблеи в качестве основного органа, руководящего комитета, совета, наблюдательного совета и рабочей группы. Постоянной волонтерской базы не существует. Необходимые задачи выполняются различными волонтерами, число которых может варьироваться от 5 до 35 человек. Как правило, их возраст колеблется от 15 до 25 лет.

В кейсе “Низовые инициативы, конфликты и солидарности феминистской сцены Санкт-Петербурга, Россия” (ФЕМ) были собраны интервью с феминистками из разных групп и организаций. Большинство опрошенных представляют женщины в возрасте от 20 до 30 лет. У всех них различный социальный бэкграунд, однако, все информантки идентифицировали себя как феминисток. В исследовании участвовали как ключевые фигуры феминистских инициатив, так и менее активные участницы. Кроме того, было проведено наблюдение за участниками ряда феминистских инициатив: фестивали, клуб робототехники, феминистские встречи, феминистская библиотека, кинопоказы, лекции, выставки, мастер-классы. Современная петербургская феминистская сцена эклектична и включает в себя различные и часто противоречивые интересы участников. Сегодня основными вопросами, представляющими интерес для феминистской активности, являются борьба с насилием, борьба за сексуальное освобождение, за репродуктивные и трудовые права женщин, поддержка (или отказ от поддержки) ЛГБТ-сообщества, поддержка секс-работниц или борьба с проституцией.

Кейс «Низовые инициативы, конфликты и солидарности ЛГБТК сцены Санкт-Петербурга, Россия» (ЛГБТК) был сфокусирован на разных группах и организациях ЛГБТК-сцены Санкт-Петербурга. В некоторых случаях это официально зарегистрированные инициативы, в других нет, они имеют разные источники финансирования и ориентированы на общественную и / или сервисную активность. Иногда эти различия и некоторые идеологические различия (например, статус сексуальности, отношения между небинарными и трансгендерными людьми) могут провоцировать конфликты. Однако, основные идеи об общих задачах, включая борьбу с дискриминацией и за права ЛГБТК-людей, объединяют эти разные инициативы. В ходе исследования были собраны интервью с несколькими поколениями активистов (3 человека от 18 до 20 лет, 7 человек от 21 до 30 лет, 4 человека от 31 до 40 лет), что было важно для лучшего понимания специфики сцены. В исследовании принимали участие не только «активные» и публичные ЛГБТК-люди, но и «бывшие» активисты, а также ЛГБТК-люди, находящиеся на периферии активистского поля. Кроме того, сама исследовательница участвовала в различных фестивалях, встречах, семинарах в качестве волонтера и посетителя.

В кейсе «Молодые гендерные активисты, Португалия» (МГА) были собраны интервью с людьми, принимающими участие в гендерном активизме. Следует отметить, что интервью проводились в двух городах: в Порту и в Лиссабоне. Первоначально респонденты были набраны через две организации, входящие в «Португальскую национальную сеть по политике и практике» (Portuguese National Policy and Practice Network), в рамках мероприятия, подготовленного одной из этих организаций. Некоторые участники являются членами этих организаций. В целом, набранных активистов можно разделить на три группы по виду деятельности. Первая группа, которая является самой большой, включает в себя 11 человек, которые являются членами различных организаций. Вторая состоит из 7 участников гендерных инициатив (например, феминистских фестивалей, семинаров, манифестаций, встреч),

которые не имели прямого отношения к какой-либо организации на момент проведения интервью. В третью группу входят два «независимых активиста» (редактор гендерного журнала и владелец бренда феминистской одежды). Возраст большей части респондентов варьировался от 21 до 30 лет.

Процесс работы с данными в рамках мета-этнографического синтеза представляет собой длительную и многоступенчатую процедуру. На первом этапе создавалась общая транснациональная база качественных эмпирических данных. Затем происходило двухуровневое кодирование собранного материала. Сначала национальными командами создавались коды первого уровня, чьи значения присваивались близко к текстам интервью на национальных языках. После чего осуществлялась систематизация кодов первого уровня к англоязычным кодам второго уровня, универсальным для всех партнеров проекта.

По результатам кодирования создавались «node memos» на английском языке – информация по коду 2 уровня. «Node memos» включают в себя содержательное описание значения кода в конкретном кейсе в национальном контексте, наиболее типичные «цитаты», информацию о частоте встречаемости данного кода. Кроме того, для каждого интервью так же были созданы на английском языке «respondent memos» – информация об информанте, ходе интервью, ключевых моментах интервью или наблюдения. На основании кодирования и анализа эмпирических данных были написаны отчеты по каждому кейсу на английском языке.

Второй этап представлял собой объединение исследовательских кейсов партнеров в ряд кластеров на основании общей проблематики. Так российской командой был выделен кластер для анализа социального включения стигматизированной и маргинализированной молодежи, в который вошли описанные выше кейсы.

На следующем этапе были поставлены исследовательские вопросы и выделены ключевые концепты – «конструкты второго порядка» – общие для

конкретной группы кейсов (кластера). На данном этапе по каждому вопросу выделялись ключевые концепты, поднимающиеся в каждом кейсе. Для каждой темы фиксировалось ее специфическое проявление в каждом кейсе.

Четвертый этап – синтез – производство «интерпретаций третьего уровня». Это процедура подразумевает сравнение ключевых концептов второго уровня между кейсами в рамках одного кластера, таких как специфика значений, схожесть, различие, аргументация.

Соответственно эмпирическую базу данного исследования составили 5 отчетов по кейсам, 111 нодов второго уровня и 95 «respondent memos». В таблице 2.1 представлен обзор используемой эмпирической базы. Количество интервью варьировалось от 14 до 31, а число нодов второго уровня - от 19 до 26.

Таблица 1. Обзор данных по кейсам

Кейс	Выборка (количество respondent memos)	Количество нодов 2 уровня	Индивидуальный отчет по кейсу
Молодые мусульманские женщины «Нео- Мусульманки» ? Социальное включение молодых мусульманских женщин	15	26	+

Германия			
Zagreb Pride ЛГБТИК НКО, Хорватия	31	20	+
Низовые инициативы, конфликты и солидарности феминистской сцены Санкт- Петербурга, Россия	15	20	+
Низовые инициативы, конфликты и солидарности ЛГБТК сцены Санкт- Петербурга, Россия	14	19	+

Молодые гендерные активисты, Португалия	20	26	+
Всего	95	111	5

Важно отметить, что в некоторых случаях применение мета-этнографического синтеза может быть сопряжено с рядом таких проблем, как этические сложности, связанные с повторным использованием данных для целей, отличных от первоначально указанных; отсутствие знакомства с собранными данными других исследователей; различия в дизайне разных исследований (Pilkington, 2018). Тем не менее, в рамках нашей работы этих проблем можно было избежать или свести их к минимуму, так как данные были собраны в рамках одного проекта согласно общим этическим протоколам, а у исследователей была возможность коммуникации друг с другом.

Глава 3. Социальное включение молодых людей. Мотивация, барьеры, эффекты

В данной главе приведен анализ эмпирического материала. Глава разделена на три части в соответствии с задачами исследования. Первая часть включает в себя анализ мотивации социального участия молодых людей, вторая сосредоточена на барьерах, препятствующих включению в активистскую деятельность, третья в свою очередь раскрывает эффекты активизма.

3.1 Мотивации социального включения

Проведенный анализ эмпирического материала позволил выделить три концепта, которые отображают причины, подталкивающие молодых людей к социальному включению. Первый концепт «Гомофобия толкнула меня в активизм» показывает, что личный опыт переживания стигматизации и дискриминации оказывается важной мотивацией для активистской деятельности. «Я родом из привилегированной семьи» - концепт, отражающий, как члены семьи либо, оказываясь негативной моделью для молодых людей, либо, наоборот, делясь с ними своим опытом активизма, содействуют социальному включению. Концепт «Властные взрослые» демонстрирует, что школьные педагоги часто становятся агентами стигматизации, но в некоторых случаях они могут оказывать молодым людям поддержку, делиться с ними информацией, поднимают в беседах важные темы.

«Гомофобия толкнула меня в активизм»

В ситуации, когда общество оказывается не готовым к принятию существования большого разнообразия различных идентичностей и жизненных траекторий, многие молодые люди оказываются в ситуации стигматизации. Однако, в некоторых случаях негативный опыт становится мотивацией для вовлечения в активизм, так как последний видится как способ изменить окружающую микро- и макросреду. В таком случае активистская

деятельность может восприниматься не в качестве собственного выбора, но в качестве осознанной необходимости:

Я всегда говорю, что активизм не был моим собственным выбором. Гомофобия толкнула меня в активизм. Независимо от того, насколько я люблю делать то, что я делаю, я не проснулся однажды утром и подумал: «Давайте изменим мир!» Это было больше похоже на «мы убьем тебя, ты должен бороться с этим». (Ларс, ЗП, Хорватия)

Для членов движений, борющихся за гендерное равенство и придерживающихся феминистских взглядов, (ЗП, МГА, ЛГБТК, ФЕМ) важным фактором социального вовлечения является сохранение существующего патриархатного режима, имеющиеся гендерные ожидания, неравное распределение власти. Столкновение с таким порядком вещей, который воспринимается как несправедливый иногда оказывается тем, что становится мотивацией для начала активисткой деятельности.

В случае же девушек-мусульманок ситуация является еще более напряженной, так как ношение хиджаба автоматически делает явной их идентичность, а значит для них оказывается почти невозможным избежать попадания в исламофобский дискурс:

Да, я получала «комплименты» на улицы - я клянусь. Ну, очень часто «Сука в хиджабе. Проваливай! Убирайся! Езжай обратно в свою страну!» Но я родилась здесь. Я в своей стране. (Некла, ММЖ, Германия)

Однако, социальное включение в этом кейсе происходит скорее не под давлением негативного опыта, а благодаря влиянию значимых других, которые привлекли респондентку к участию или же по причине причастности к какой-либо организации, которая подталкивает своих членов к социальному включению:

Я открыла это через мечеть. Я должна признать. Ну, если бы я сама узнала об этом и поискала бы информацию, возможно, я бы сделала что-то другое. Но так как я была связана с местной мечетью и была активна в сообществе

*и принимала участие в занятиях, я подумала, эй, я сделаю что-то здесь.
(Мелек, ММЖ, Германия)*

Тема негативного личного опыта оказывается важной во всех кейсах данного кластера. Персональный опыт, связанный с собственным переживанием стигматизации, являющийся следствием гендерного неравенства, гомофобии, неравенства, подталкивает молодых людей к социальному включению как к способу завоевать легитимность в доминирующем культурном порядке.

«Я родом из привилегированной семьи»

Другим важным фактором социального включения молодых людей оказывается опыт членов их семьи. В ряде случаев, например, при наличии разделяемых семейных ценностей и активистского опыта у старшего поколения, молодые люди могут ориентироваться на своих родственников как на пример для выстраивания собственной активистской биографии (ФЕМ, МГА):

*Для меня то, что пробудило меня ... потому что я обычно говорю это, и это правда, я привилегированный человек, я родом из привилегированной семьи, и я родом из семьи, где феминизм существует с моей пра-пра-бабушки.
(Мануэла, МГА, Португалия)*

И даже в тех случаях, когда старшее поколение имеет иной жизненный опыт, через высказывание поддержки и одобрения, оно может оказывать позитивное влияние на социальное участие. Так Некла рассказывает в своем интервью, что семья оказывает ей исключительную поддержку в ее деятельности, описывая реакцию отца на поэтический перформанс:

Моя семья полностью поддерживает меня в этом. Они действительно гордились мной, я видела это на лице моего отца, он чуть не плакал, а под моим постом в Facebook [о моей поэтической постановке] он написал: «Я так горжусь тобой» (Некла, ММЖ, Германия)

Однако, в некоторых случаях семья может подталкивать молодых людей к социальному включению не только через поддержку и демонстрацию ролевой модели, но и показывая пример того, “как не надо”. В частности, патриархальный режим в семье может способствовать формированию ценностей свободы и равенства через отрицание происходящего дома:

Я думаю, на меня в большой степени повлияло то, что мои родители были достаточно авторитарны, то есть мой отец был главный авторитарий, мать ему подчинялась, мне не нравилось видеть такие отношения вообще, ну и я не знаю, какие-то продукты культуры видела постоянно, в которых ценностями выступали там свобода там, не знаю... (Вика, ФЕМ, Россия).

Таким образом, семья может способствовать включению молодежи в активизм либо через трансляцию ролевых моделей и разделяемые ценности, либо будучи негативным образцом, то есть, приводя молодых людей к позиции, согласно которой они выстраивают свою деятельность, участвуя в семье «как быть не должно».

Властные взрослые

Еще одним важным пространством в жизни молодых людей, влияющим на их социальное включение, оказывается пространство образовательных учреждений. Пребывание в школе/колледже/университете занимает значительное время в повседневной жизни молодых людей и насыщено интенсивным взаимодействием как с другими учениками, так и с учителями и другими взрослыми сотрудниками образовательных учреждений.

В кейсах МГА, ЗП, ММЖ респонденты неоднократно говорили о ситуациях стигматизации и дискриминации со стороны учителей. При этом конфликтные ситуации зачастую происходят не лицом к лицу между конкретным учителем и учеником, но через публичные высказывания преподавателя, таким образом его участниками становятся все ученики и другие преподаватели:

«Я думаю, что в контексте конфликта у меня никогда не хватало смелости обращаться с тем, что было у меня под замком во время всей средней школы, и я не мог с этим справиться. Я даже не мог представить, на скольких уровнях это может создать проблемы. Когда ваши учителя являются гомофобами, а вы ребенок, они имеют такую власть в классе и говорят против вас. И все знают, что они говорят против вас.» (Хац, ЗП, Хорватия)

Тем не менее в некоторых случаях школьные педагоги мотивируют молодых людей к социальному включению, поднимая для обсуждения волнующие молодых людей вопросы, давая необходимую информацию и вдохновляя, например, используя различные исторические образы:

«Я помню в школе был учитель английского, с которым мы говорили о суфражистках в Англии [...] Это было очень значимо говорить о проблемах. Она задавала вопросы, и если, я хорошо помню, я думаю вот и все, я помню, что в то время были женщины, которые сожгли свои лифчики. Я прекрасно помню, она спрашивала меня, если кто-то здесь, кто тоже готов сжечь, я помню то время. Я сказала, да (смеется) ах ... и так там мы поговорили немного.» (Розарио, МГА, Португалия)

Кроме того, школьные сотрудники, как правило, в лице психологов и социальных работников, зачастую являются теми, кто оказывает психологическую и эмоциональную поддержку. Такая поддержка со стороны взрослых становится особенно значимой в тех случаях, когда молодые люди не могут или не хотят обсуждать какие-то вопросы и темы с родственниками и друзьями. Так, например, Лара рассказывала, что для нее учитель психологии стал тем человеком, с которым она могла поделиться любой информацией в отличие от родителей:

Я не хотела делиться этим с родителями. Я поговорила с учителем психологии, потому что могла поговорить с ней обо всем. Я не могла поговорить об этом с моими родителями и как-то, я держала это в себе. (Лара, ЗП, Хорватия)

Однако, в российских кейсах (ФЕМ, ЛГБТК), тема «значимых взрослых» не прозвучала. Во-первых, это может быть связано с тем, что респонденты в данных кейсах были старше, а потому школьный опыт уже не являлся частью их повседневности из-за чего мог не подниматься в интервью. Во-вторых, российское законодательство на сегодняшний момент такого, что обсуждение на тему гендера и сексуальности практически невозможно в рамках школьных учреждений.

Проведенный анализ продемонстрировал, что хотя тема влияния взрослых внутри школ не поднимается в рамках российских кейсов, для респондентов ММЖ, ЗП и МГА она оказывается чрезвычайно важной. В каждом из данных кейсов существуют различные истории о взаимоотношениях со взрослыми. С одной стороны, взрослые могут давать информацию и способствовать публичному признанию, а с другой, становятся агентами стигматизации. В частности, важно отметить, что часто роль взрослого соотносится с его позицией внутри учреждения, а именно, поддержка, как правило, исходит не от учителей, но от психологов и социальных работников.

Таким образом, важной мотивацией для социального включения молодежи оказывается личный опыт стигматизации, маргинализации и дискриминации, который, с одной стороны, происходит на уровне нелегитимности в “большом” культурном пространстве, а с другой, проявляется во время повседневной коммуникации. Кроме того, существенное влияние на социальное включение молодых людей оказывают значимые другие (в первую очередь члены семьи и преподаватели), которые могут способствовать социальному включению молодых людей, предоставляя им поддержку, выступая ролевой моделью, делаясь своим опытом.

3.2 Барьеры, препятствующие социальному включению

В данной части рассмотрены барьеры, которые могут препятствовать социальному включению молодых людей. Концепт «Лучше не иди!» показывает, что семья часто может оказываться препятствием к активистской деятельности. «Мы не знаем сфер участия, в которые мы можем быть вовлечены» - концепт, демонстрирующий сложности, возникающие на этапе поиска организации, движения или сообщества, куда можно включиться. Концепт «Разрыв между поколениями активистов» отражает барьеры, связанные с иерархиями внутри активистских полей.

«Лучше не иди!»

Несмотря на оказываемую в некоторых случаях поддержку, семья часто является не ресурсом, а барьером на пути к социальному включению. Такие ситуации упоминались молодыми людьми во всех анализируемых кейсах. Это происходит, когда родители и другие старшие члены семьи считают активизм нежелательной деятельностью, что может происходить по ряду различных причин. Во-первых, стремление оградить молодых людей от социального включения может быть связано с представлением об активизме как об опасной деятельности, сопряженной с различными рисками (например, задержание или физическое насилие со стороны других людей), о чем говорили респонденты российских кейсов. Такое восприятие активизма, в частности, может быть обусловлено неполнотой информации о том, что именно представляет собой активистская деятельность или ложным представлением, создаваемым средствами массовой информации:

Скажем, я не знаю, насколько они в курсе, точнее, насколько они понимают то, чем я делюсь. Но допустим, если брать старшее поколение, там маму, тетю, они конечно там...воображают там невесть что... и очень реагируют остро, в плане, ну, это же вопрос безопасности. И они очень

*переживают и говорят: «ничего не участвуй, не высывайся (смеется)...
(Катя, ЛГБТК, Россия)*

Однако, в других случаях неодобрение активистской деятельности может быть не вопросом безопасности, но ценностным конфликтом. Иногда в основе данного конфликта лежит неприятие родителями гендерной и/или сексуальной идентичности молодых людей, о чем говорили респонденты в кейсах МГА, ЗП, ЛГБТК, ФЕМ: «Но здесь, я думаю, это потому, что она [мама] не принимает того, что я гей» (Лучиано, МГА, Португалия). В то время как в других случаях речь идет именно о различных взглядах, например, на гендерные роли, на взаимоотношения родителей и детей или на религиозные практики:

Мы много спорили. Моя мама этого не знала, она выросла в Турции [...] ее отец был очень консервативным. [...] В деревнях женщины играют эту типичную роль, немного похожую на слугу. «Я несколько хуже». Вот как она выросла. Она не знала этой свободы. Она не знала, что ты можешь говорить и спорить. А поскольку она этого не знала и никогда не учила, [...] это было для нее серьезным испытанием. [...] Поскольку я всегда вступала с ней в споры и споры и говорила: «Я не понимаю - почему мне не разрешают это делать? Я хочу этого!» И поэтому у нас было много споров. (Сельма, МГА, Германия)

Также следует сказать, что иногда следствием неприятия активистской деятельности родителями являются не только конфликты, но и различные попытки оградить молодых людей от включения в активизм, посредством прямых запретов или косвенных ограничений:

...В этом году они не отвезли меня туда [в прибрежную часть Хорватии], но я не мог быть на марше [...]. На этот раз они позволили мне остаться в Загребе, но они сказали несколько раз: «Лучше не идти! Если я узнаю, что ты пошел, это закончится плохо!» (Раби, ЗП, Хорватия)

Таким образом, семья, где разворачиваются множество, зачастую противоречивых, но в то же время одномоментно существующих, систем

отношений: забота, контроль, поддержка, иерархия и т.д., может оказываться барьером для социального включения в случаях, когда старшие родственники и/или родители не одобряют деятельность молодых людей.

“Мы не знаем сфер участия, в которые мы можем быть вовлечены”

Помимо внешних барьеров, ограничивающих социальное включение молодежи, многие молодые люди также отмечали, что само поле активизма является чрезвычайно закрытым, и, хотя внутри циркулирует большое количество ресурсов и информации, попасть в него довольно сложно. Так респонденты кейсов ММЖ и МГА, рассказывали, что в тот момент, когда ты уже стал участником какой-либо инициативы, перед тобой сразу появляются множество проектов, в которых ты также можешь принять участие. Однако, найти первый проект бывает чрезвычайно сложно:

Я думаю, чего не хватает, что я тоже чувствовала, так это того, что мы не знаем сфер участия, в которые мы можем быть вовлечены. Например, я не знала в средней школе, или, ну, может быть, это было также отсутствие интереса, но я не знала, потому что они не дали мне информацию. Я могла бы, я не знаю, я могла бы участвовать, я думаю, я могла бы быть членом политической партии или волонтером. Я думаю, это идея, что молодые люди не заинтересованы, и потому не будем давать им информацию. И я думаю, что те, кто не участвует, я полагаю, это из-за недостатка информации, они не знают, что что-то существует или что они могут участвовать. (Гульхермина, МГА, Португалия)

Кроме того, стоит отметить, что препятствием для включения может быть не только отсутствие информации о различных проектах и организациях, но также и отсутствие их самих в небольших городах. Это ведет к тому, что только с переездом в более крупный город молодые люди получают возможность социального включения, о чем говорилось в кейсах ЗП, ФЕМ, ЛГБТК:

С моими друзьями все было в порядке, но с 18 лет у меня был этот срез - [город] слишком маленьким. И что-то началось во мне, как будто я хотел бы что-то сделать, у меня были некоторые идеи, которых я тогда не знал достаточно, но я приехал в Загреб и понял, что для меня есть что-то большее, потому что в Загребе все централизовано. Один город и больше людей, больше возможностей, больше идей, больше всего. (Борка, ЗП, Хорватия)

Но и после нахождения проекта иногда возникают сложности. Так могут отсутствовать необходимые структуры для принятия новых членов и задействования их в актуальной деятельности или же функционирование данных структур является непрозрачным и ресурсозатратным:

Потребовалось много времени, чтобы принять участие в [название организации по правам человека], потому что я помню, что это был декабрь моего прошлого года, и я отправила электронное письмо в [название организации по правам человека], национальную штаб-квартиру, чтобы спросить, это была группа, в которую я должна была войти, а потом потребовалось три месяца или около того, к тому времени она открыла ядро в моем городе. Так что теперь я собираюсь быть ее частью, но в течение этих четырех месяцев я так и не получила ответ, в какой-то момент единственный ответ, который я получила, был из [название города в северной Португалии]. И это снизило мою мотивацию. (Гульхермина, МГА, Португалия)

Однако, помимо структурных барьеров, существуют также и те, что действуют на индивидуальном уровне. Так, молодым людям зачастую бывает страшно и некомфортно приходить в сообщество, где все друг друга знают, а они единственные новенькие. Об этом говорила, в частности, Рейхан, рассказывая про свой опыт социального включения:

Я бы сказала, что есть много проектов, о которых вы просто не знаете. Но когда вы получаете информацию, вы обнаруживаете, что их

много, и вам просто нужно набраться смелости, чтобы попробовать что-то новое. Например, на [конференции по исламу] я подумала: «О нет, я никого не знаю. Как это будет?». Но вы встречаете так много новых людей. И поскольку это люди с такими же интересами, как и вы, которые также хотят участвовать, вы часто заводите новых друзей. (Рейхан, ММЖ, Германия)

Данный концепт демонстрирует, что само активистское поле может создавать барьеры для социального включения, связанные с отсутствием информации о существующих движениях, плохо функционирующими механизмами принятия и интеграции новых членов, а также централизацией инициатив в больших городах.

Разрыв между поколениями активистов

Деятельность внутри комьюнити также связана с рядом сложностей и конфликтов. Одним из них является разрыв, зачастую происходящий между старшим и младшим поколением активистов и сотрудников организаций, который часто оказывается барьером для возможности активного участия молодых людей. Так, например, в кейсе ММЖ властные лица мечети и других исламских организаций вступают в конфликт с активными девушками-мусульманками, считая их позицию недопустимой. Как рассказывали респондентки, некоторые из людей негативно оценивают их деятельность и стремление быть независимыми, считая, что они выходят за нормы шариата: *«Есть люди, которые действительно против [нашей ассоциации], потому что они не хотят нового потока молодых людей, у которых большие планы и которые хотят достичь чего-то большого. Вот как я это помню. У нас есть некоторые противники в некоторых организациях. Они говорят: «Нет, что вы делаете это не харам». Я не понимаю этого. Что мы делаем так это поддерживает принципы ислама, оставаясь независимым. Но у нас есть противники. (Морсал, ММЖ, Германия)*

В кейсе ЗП молодые люди отмечают, что хотя они и уважительно относятся к старшим активистам как к тем, кто стоял у истоков и имеет большой активистский опыт, между ними и теми, кто недавно включился в движение существует непроницаемая стена. Молодые активисты рассказывали, что те, кто давно находится в организации практически не замечают их, не отвечая на их письма, не прислушиваясь к их голосам, фактически апроприируя себе организацию, при этом выполняя лишь функции внешнего контроля:

Я бы сказал, что мы уважаем их как старших активистов, но как-то всегда было так, как будто я был разговаривал со стеной, и потом я сдался. У меня никогда не было чувства, что они уважают то, что люди делают для Pride. Я считаю, что существует большая проблема эго, и они как «Pride наш, мы это Pride, и все вы - дети, которые сменяемы, и мы заменим вас!» И так они и сделали. (Мика, ЗП, Хорватия)

В кейсе же МГА нет ни прямого конфликта, ни игнорирования со стороны старших активистов, но существует то, что может быть названо «абсолютным разрывом», то есть полное отсутствие взаимодействия и коммуникации. Как и в предыдущих двух кейсах данная ситуация представляется молодым людям проблемой, которая должна быть решена для достижения общих целей.

... Я думаю, что мы должны работать над логикой между поколениями, что не имеет смысла ... Я вижу многое из этого в ЛГБТ-активизме. Есть разрыв между старшими поколениями активистов, которые были в 1980-е и 1990-е годы, когда ВИЧ был основной повесткой, и эти молодыми поколениями ...внезапно не оказалось мостика между этими двумя поколениями, и сегодня мы возможно, живые истории о ВИЧ, в частности, мы упустили, если не будет более прямого контакта с теми, кто был на переднем крае 20 лет назад (Ренато, МГА, Португалия)

Что касается российских случаев (ЛГБТК, ФЕМ), то в них тема взаимодействия активистских поколений возникла только в контексте рассуждений о возможной передаче опыта от старших к младшим. Возможно, это обусловлено фрагментарностью российской ЛГБТК и феминистской сцен, для которых более характерны идеологические конфликты или же разделение по группам, которые включают в себя участников, как правило, одного поколения. Таким образом, конфликты внутри сцены скорее осмысляются не в рамках конфликта поколений, но конфликта идей и взглядов.

Наверное, [инициатива №52] был наиболее эффективна в этом плане, но там все-таки я работала с очень опытными людьми. Потому что Вероника, это иногда очень опытные люди, гораздо опытнее, чем я в том числе. И у нас прошло все очень как бы. Я тоже не стремлюсь, как бы к тому чтобы. Но это тоже не сразу произошло. Но к тому моменту уже это было. То есть я не стремлюсь, как бы самой занимать все. И у меня все-таки есть определенный талант к организации вещей. (Оксана, ЛГБТК, Россия)

Проведенный анализ показывает, что несмотря на стремление к горизонтальной структуре анализируемых сообществ, внутренняя иерархия тем не менее существует. Более старшие активисты (речь идет скорее об опыте, нежели о возрасте) могут отказывать им в легитимности и доступе к полю, выбирая для этого такие стратегии, как игнорирование или открытый конфликт. В некоторых же случаях между активистскими поколениями просто отсутствует коммуникация.

Таким образом, можно выделить три типа барьеров, с которыми сталкиваются молодые люди в процессе социального включения. Первый тип — это внешние по отношению к активистскому полю препятствия, которые связаны с неодобрением взрослыми деятельности молодых людей. Второй заключается в самой структуре активистских сообществ, которые организованы так, что доступ к ним часто оказывается сложным и непрозрачным. В-третьих, внутри поля существуют внутренние иерархии,

которые также могут препятствовать социальному включению молодых людей.

3.3 Эффекты социального включения

В последнем разделе рассматриваются концепты, раскрывающие эффекты социального включения. В ходе анализа было выделено четыре концепта, каждый из которых описывает один их аспектов того, как молодые люди осмысливают свой активистский опыт. Концепт «По крайней мере я хорошо к себе отношусь» отражает, как включение в сообщество помогает молодым людям создать положительный образ себя. «Развитие навыков, увеличение репертуара и профессионализация» - концепт, демонстрирующий возможности для приобретения различных навыков и компетенций в процессе социального включения, которые ведут к увлечению репертуара действий, рефлексивности и сфер участия. Другие два концепта связаны с новой волной конфликтов, которая оказывается следствием социального включения молодых людей: «Увеличение конфликтов как следствие увеличения видимости» и «Мы правы, а вы аутсайдеры».

«По крайней мере я хорошо к себе отношусь»

Хотя вхождение в поле может оказываться процессом, связанным с ощущением дискомфорта, в дальнейшем активизм оказывается той практикой, которая часто через встречу с теми, кто обладает сходным опытом и ценностями, помогает молодым людям конструировать более положительный образ себя. Так как столкновение с дискриминацией и стигматизацией часто оказывает негативное влияние на самовосприятие молодых людей, вынуждая их чувствовать себя «другими», «больными», «странными» и пр., важным эффектом социального включения является дискурсивное сопротивление стигме. Так молодые люди, вовлеченные в ЛГБТ-активизм в Португалии, Хорватии и России часто говорили о том, что включение в сообщество помогло им принять свою гендерную и/или сексуальную идентичность:

Я присоединился к странице знакомств и встретился с другими людьми и поговорил с ними, придя в это сообщество, встретив их, общение с другими ЛГБТ-людьми, действительно помогло мне принять себя. (Джо, ЗП, Хорватия)

Кроме того, вовлечение в активизм, позволяет молодым людям почувствовать свою автономность и независимость, приобрести уверенность в своих правах (ЛГБТК, ФЕМ, МГА, ММЖ). Это связано тем, что часто именно активизм оказывается тем пространством, в котором молодые люди имеют возможность проявлять инициативу в то время, как, например, семья или образовательные учреждения остаются институтами, где способность молодых людей действовать оказывается ограниченной, а им самим отказывается в праве на автономность:

У меня все есть моя традиция, но я также независима. Я не хочу зависеть от кого-то, зависеть от человека. Я занимаюсь образованием и выражаю эту позицию, когда я учу детей, многие из них говорят: «Позже я выйду замуж и не буду работать». Когда я работаю с этими людьми, я направляю их, чтобы они думали немного по-другому. Поэтому дети немного меняют свое мышление. (Тэслим, ММЖ, Германия)

Таким образом, можно увидеть, что активизм оказывается для молодых людей не только способ влиять на существующий социальный порядок, но он также является деятельностью, способствующей формированию более позитивного отношения к себе, укрепляющей уверенность в обладании правами, в том числе права при необходимости их отстаивать, а также формированию ощущения собственной ценности и автономности.

Развитие навыков, увеличение репертуара и профессионализация

Активистская деятельность оказывается полем, которое не только помогает молодым людям сконструировать более положительный облик себя, но также способствует непрерывному приобретению различных практических

навыков и теоретических знаний. Участники всех кейсов говорили о том, что их вовлеченность дает им доступ к новой информации и получению нового опыта, который способствует их саморазвитию в разных сферах. Теоретическая и практическая информация способствует как увеличению эффективности, так и достижению более обширного репертуара возможных действий:

Я думаю, больше с точки зрения того, чтобы быть более вовлеченной и делать больше вещей ... с того момента как я начала, я стала уделять больше внимания мастер-классам, инициативам, всему, что было дополнительным, в кавычках. (Элизабет, МГА, Португалия)

Кроме того, проведенный анализ кейсов позволил увидеть, что большая часть респондентов оказывается включенной в несколько видов волонтерской деятельности. Для четырех кейсов, связанных с гендером и сексуальностью (ФЕМ, ЛГБТК, ЗП, МГА), чаще всего это экологические, антикапиталистические, демократические инициативы, а также различные движения, борющиеся за гендерное равенство и права ЛГБТИК-людей.

Ну, вообще, мы ориентированы к квирам также, у нас трансрепрезентируемое сообщество, ну и... с ЛГБТ тоже сотрудничаем. Допустим, когда был ЛГБТ фестиваль мы тоже его репостили, рекламировали их события, мероприятия. Ну, есть вегетарианская движуха. (Алена, ФЕМ, Россия)

Что касается девушек-мусульманок, то для них более характерной оказывалась волонтерская деятельность вокруг различных религиозных организаций, либо деятельность, направленная на оказание помощи мигрантам и беженцам. Несмотря на то, что они сами, как правило, не обладают непосредственным мигрантским опытом, ощущение принадлежности к культуре и традициям своих родителей в контексте проживания в Германии, делает близкими для них темы, связанные с интеграцией в другое сообщество.

Кроме того, важно отметить, что вовлечение в активизм ведет не только к увеличению репертуара и сфер действия, но также и к увеличению рефлексивности участников сообществ:

На семинаре [...] мы могли открыто говорить о дискриминации. А потом перспектива черных девушек. [они испытывают] несколько дискриминаций. Это заставило меня понять: иногда у меня есть фазы, когда я расстроена, что дискриминирована из-за моего платка. Они могут снять платок, но их кожа все еще черная. (Эмине, ММЖ, Германия)

При этом для молодых людей важной оказывается возможность профессионализировать свой активистский капитал, чтобы в будущем достичь более высокого социального и экономического статуса, так как будучи принадлежащими к группам, которые не являются легитимными в своем культурном пространстве, молодые люди часто оказываются лишены доступа к существующим в этом пространстве социальным лифтам. Полученные навыки, опыт, установленные социальные связи могут послужить в дальнейшем, например, для перехода от статуса волонтера к статусу работника организации. Стоит также отметить, что часть российских активистов (ФЕМ, ЛГБТК) рассчитывают в будущем переехать за границу, где, по их словам, они смогут продолжить заниматься своей деятельностью, но уже в более благополучной среде.

Кроме того, часть респондентов в кейсах ФЕМ, ЗП, МГА, ЛГБТК говорила о том, что в будущем им хотелось бы продолжить свою деятельность, но уже в качестве профессора по гендерным исследованиям. Такой выбор профессиональной траектории, с одной стороны, позволил бы им не менять сферу своих интересов, а с другой, обеспечил бы профессиональную реализацию:

“Одно из моих самых больших мечтаний - стать профессором и читать гендерные исследования для молодых поколений и научить их терпимости, научить их выходить в мир не только с открытым сознанием в

отношении других культур, но и каждого человека и принимать других, как они есть.” (Джо, ЗП, Хорватия)

Что же касается молодых девушек-мусульманок, то в данном кейсе респондентки, говоря о будущем, часто озвучивали желание работать в социальной сфере, например, стать врачом, учительницей или социальным работником:

“И с тех пор, как я начала учиться, я поняла, что также хочу получить магистра. Прежде я хотела только бакалавра. Но теперь я действительно хочу получить магистра. Я хочу работать в социальной сфере и делать там карьеру.” (Бану, ММЖ, Германия)

Расширение сферы теоретического и практического опыта оказывается важным эффектом активистской деятельности. Полученные компетенции могут носить характер специализированного знания и/или различных социальных навыков, являющихся необходимыми во многих видах деятельности (навыки публичного выступления, поиска информации, самообладания и пр.). В дальнейшем приобретённый культурный капитал может способствовать профессиональной реализации как внутри сообщества через обретение экспертной позиции в своей области, так и вне благодаря использованию полученных навыков и компетенций для работы в социальной сфере.

Увеличение конфликтов как следствие увеличения видимости

Однако, социальное включение молодых людей также приводит к новым конфликтам. Выбирая в качестве своего политического проекта видимость приватного - демонстрацию своей сексуальной/гендерной/религиозной идентичности - молодые люди оказываются вынуждены сталкиваться с новой волной стигматизации и дискриминации. В связи с этим, как отмечала Франциска (МГА), данный шаг требует от молодых людей определенного

уровня храбрости и готовности сделать свои взгляды и/или идентичность видимыми для других:

Надо мной уже издевались по-разному. Я уже чувствовала дискриминацию, окей? За то, что я феминистка, потому что в какой-то момент, быть феминисткой в некоторых академических кругах, считается плохо ... плохо ... очень плохо...люди не принимают ... люди считают это эксцентричным. И предположим, что на конгрессе, что у вас есть феминистская перспектива или что вы собираетесь представить работу на феминистскую тему, я думаю, вам нужно иметь мужество, потому что я долго говорила об этом очень тихо. (Франциска, МГА, Португалия)

О физическом и эмоциональном насилии как следствии демонстрации своей идентичности, взглядов, принадлежности к какому-либо сообществу говорили респонденты всех кейсов. В некоторых случаях ситуации стигматизации были инициированы незнакомцами на улицах, в общественном транспорте и других публичных пространствах. В то время как в других агентами стигматизации оказывались знакомые молодых людей (семья, друзья, одноклассники), не разделяющие их взгляды и опыт.

RES: Как ... на уроках географии они начали провоцировать меня, и они сказали учителю «Должен ли быть парад у гетеросексуальных людей тоже?». То есть вы не можете объяснить им, и я действительно пыталась, но потом было еще хуже, то есть они сказали, что они из-за этой футболки избили бы меня.

INT: Действительно? Они сказали это?

RES: Да ...

INT: Из-за футболки Pride?

RES: Да, потому что на ней есть звезда ...

(Смийя, ЗП, Хорватия)

Кейс ММЖ в данном случае представляет собой несколько иную историю в плане того, что именно провоцирует стигматизацию и

дискриминацию. Как уже было сказано ранее, девушки, принявшие решение надеть хиджаб, сразу становятся видимыми для других вне зависимости от своего социального включения. В этом случае именно их религиозная идентичность оказывается физической и вербальной агрессии со стороны других, зачастую также соединяясь с представлением, что мусульмане – это обязательно мигранты, а значит неблагополучные граждане:

За пределами Центра Занятости иногда я выхожу или прохожу мимо, я все время это слышу: «Не удивительно видеть ее здесь» ... [Дело в том что] Я работаю [в Центре Занятости], и я не из тех, кто [получает льготы]. (Мара, ММЖ, Германия)

Таким образом, обратной стороной видимости в публичном пространстве для молодых людей оказывается риск столкнуться с еще большим количеством конфликтов, инициаторами которых могут служить не только незнакомые люди, но также и ближайшее окружение.

«Мы правы, а вы ошибаетесь, вы аутсайдеры»

Проведенный анализ показал, что в рамках самого активистского комьюнити также существует ряд конфликтов, которые ведут к стигматизации и потенциальному исключению из поля молодых людей. Подобные конфликты отмечались информантами всех кейсов. При этом почва этих конфликтов может быть различной. Иногда они происходят между различными «субгруппами» существующими внутри движений:

В [организации исламских девочек] всегда есть девушки, которые говорят: «Да, он такой, или они такие». Учителя все одинаковые. Немцы такие. Я не думаю, что это правильно. [...] И сейчас мы хотим поговорить с другими общинами, [...] начиная с других мусульманских общин, потому что, к сожалению, там также есть люди, которые говорят, о, люди из той или иной общины, что это сообщество вообще не годится. Люди там такие или сякие. Это тоже так, и я просто не понимаю. Поэтому первое, что мы хотим

сделать, это показать им, что мы люди, и мы все равны. И все мы просто хотим ладить друг с другом. (Марви, ММЖ, Германия)

В других случаях это могут быть разногласия, связанные с какими-либо сопутствующими идеологическими вопросами: политические взгляды, пищевые практики, поддержка других движений, включение в сообщество людей с различными идентичностями (ФЕМ, ЛГБТК, ЗП, МГА). Кроме того, часть споров возникает вокруг выбора стратегий и тактик работы, которые считаются максимально эффективными для достижения поставленных целей (ЛГБТК). При этом, важно отметить, что большая часть респондентов считают, что существование таких конфликтов бессмысленно и абсурдно. Они видят необходимость их преодоления для успешного функционирования сообщества и придерживаются позиции, что нет необходимости устанавливать единственный верный взгляд по каждой теме, а потому стараются не принимать участия в подобных спорах:

Мне не очень близка мысль про то, что это никогда, в принципе, ни при каких условиях не может быть добровольный выбор. И вот я, вот это моя позиция. Она не такая: они ни вот та и ни вот та. Я не хочу, чтобы меня перетягивали куда-то. Я не хочу, в принципе, про это спорить. Можно я буду продолжать дальше делать своё? И почему вот этим вот надо взять собратсья и поспорить?! Что, что от этого случится?! Вот это вот, мне вот это вот очень не нравится. Понятно, что не все участвуют в этих срачах. Там кто-то, точно так же, как я, забывает. (Катя, ФЕМ, Россия).

Однако, в кейсе YMW активистки пытаются донести возможности множественности взглядов до других членов сообщества и участников разных организации. Они ориентированы на трансляцию идеи, что позиция “я прав, а он нет” не является конструктивной и нуждается в пересмотре, посвящая данной задаче часть своей деятельности:

[Это идея], мне нужно стать частью группы, а остальные посторонние, они плохие. И я хотела как бы критиковать это [моей поэзией], потому что люди

могут быстро начать видеть вещи черно-белыми и сказать: «Да, у меня есть моя община, моя группа или что-то в этом роде». Мы правы, а вы ошиблись, вы посторонние. [На конференции «Молодой ислам»] я хотела бы показать людям [...], что это может работать. Я имею в виду, что нас много, и мы очень отличаемся друг от друга. Но вместе, независимо от нашей религии, от того, откуда мы или что-то еще, мы все равно можем получить что-то новое. [Я хочу] объяснить это, чтобы люди поняли это.

(Рейхан, ММЖ, Германия)

Данный концепт демонстрирует феномен вторичной стигматизации, которая также является одним из эффектов включения молодых людей в активистское поле. Вовлекаясь в сообщество, молодые люди часто оказываются участниками конфликтов, которые происходят внутри поля. При этом некоторые из них занимают “воинствующую” позицию, другие выбирают стратегию невмешательства, в то время как третьи пытаются донести необходимость уйти от существующих конфликтов и объединиться. Таким образом, можно увидеть, что вовлечение в сообщество сопровождается не только обретением поддержки, увеличением уверенности в себе и встречей с теми, кто имеет похожий опыт, но также и вовлечением в новую череду конфликтов. Часть из них является следствием увеличения видимости и случается вне поля, в то время как другие происходят между участниками сообщества и связаны с гетерогенностью идентичностей, бэкграундов и позиций его членов, а значит и спорами вокруг постановки целей сообщества и способов их достижения.

Результаты анализа показывают, что социальное включение молодых людей, информантов данных кейсов, провоцируемое личным опытом стигматизации, направленно на завоевание легитимности в своей повседневной жизни. Для достижения данной цели в качестве политического проекта молодыми людьми выбирается демонстрация своего приватного, что, однако, вынуждает их сталкиваться с новой волной конфликтов. Тем не менее, нахождение в

активистском поле позволяет не только приобрести легитимность и уверенность в себе, но также дает доступ к различным ресурсам. Однако, доступ туда может быть осложнен, как самой структурой поля, так и внешними барьерами, в частности в лице властных взрослых.

Заключение

Современная социологическая дискуссия строится вокруг двух противоположных нарративов о социальном включении молодежи. Последние несколько лет можно наблюдать стабильное снижение участия молодых людей в функционировании традиционных политических институтов, таких как, например, членство в партии или голосование на выборах. В связи с этим, часть исследований говорит об аполитичности молодежи, ее незаинтересованности в глобальных процессах и концентрации на личных потребностях. В тоже время, другая группа работ, объясняя происходящее, утверждает, что понимание политического действия должно быть расширено, и что сегодня молодые люди, не испытывая более доверия к традиционным политическим институтам, прибегают к альтернативным способам участия в политике, которые подразумевают очень локальные и конкретные действия: микрополитика, субактивизм, повседневная политика.

Данное исследование фокусируется на опыте социального включения молодых людей России и Европы (Хорватии, Германии и Португалии), которые сталкиваются со стигматизацией на основе своего образа жизни, гендерной/сексуальной/религиозной идентичности. Проведенный при помощи мета-этнографического синтеза анализ вторичных качественных данных показал, что молодые люди, которые стали информантами в рамках данного проекта, не могут рассматриваться как аполитичные и безразличные к происходящему вокруг. Сталкиваясь со множественной стигматизацией в своей повседневной жизни, они принимают решение стать участниками различных инициатив, чтобы изменить окружающий их мир через действия здесь и сейчас. Отсутствие признания на повседневном уровне является мотивацией к социальному включению, где политическим проектом молодых людей становится видимость приватного. Раскрытие своей сексуальной/гендерной/религиозной идентичности, демонстрация

причастности к какому-либо сообществу, утверждения своих взглядов и ценностей воспринимается молодыми людьми как политическое действие.

Однако, вхождение в активистское поле часто оказывается сложным процессом. С одной стороны, сама структура поля может препятствовать включению в него за счет внутренних иерархий, непрозрачности доступа, бюрократических процедур. С другой стороны, существуют также и внешние барьеры, в частности, в лице значимых других. Несмотря на то, что в некоторых случаях члены семьи или учителя могут положительно влиять на социальное включение молодежи, часто они препятствуют активистской деятельности, считая ее небезопасной или ценностно неверной.

Тем не менее, включение в сообщество оказывается чрезвычайно важным моментом для молодых людей, находящихся в ситуации множественной стигматизации. Несмотря на новый виток конфликтов, связанный с увеличением видимости и внутригрупповыми разногласиями (борьба за легитимность различных групп, споры между членами одной команды по поводу целей и средств их достижения), активистское поле, тем не менее, насыщено информацией и ресурсами. А потому, социальное включение позволяет молодым людям наращивать культурный и социальный капитал, приобретать различные навыки и компетенции, необходимые им для эффективного выполнения своих задач. В дальнейшем обладание полученными знаниями может способствовать профессионализации и переходу от статуса волонтера к статусу эксперта. Кроме того, встреча с людьми с таким же или схожим опытом, с теми, кто поддерживает и разделяет взгляды и ценности, помогает молодым людям переосмыслить негативный опыт, принять свою идентичность, а также увидеть значимость совершаемой работы.

Библиография

1. Alldred, P., & Fox, N. J. (2019). Assembling Citizenship: Sexualities Education, Micropolitics and the Becoming-Citizen. *Sociology*, 00(0), 1-18. <https://doi.org/10.1177/0038038518822889>
2. Athayde, R. (2009). Measuring Enterprise Potential in Young People. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 33(2), 481–500. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6520.2009.00300.x>
3. Bakardjieva, M. (2009). Subactivism: Lifeworld and Politics in the Age of the Internet. *The Information Society: An International Journal*, 25(2), 91-104. doi: 10.1080/01972240802701627
4. Beck, U. (1997). *The reinvention of politics: Rethinking modernity in the global social order*. Cambridge, UK: Polity Press.
5. Bessant, J. (2004). Mixed messages: youth participation and democratic practice. *Australian journal of political science*, 39(2), 387-404. doi:10.1080/1036114042000238573
6. Blais, A., Giddegil, E., & Nevitte, N. (2004). Where does turnout decline come from?. *European Journal of Political Research*, 43(2), 221–236. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2004.00152.x>
7. Brady, H. (1999). Political Participation. In J. P. Robinson, P.R. Shaver, L. S. Wrightsman (Eds.). *Measures of Political Attitudes* (pp. 737-801). San Diego: Academic Press.
8. Bonnesen, L. (2018). Social Inequalities in Youth Volunteerism: A Life-Track Perspective on Danish Youths. *Voluntas*, 29, 160–173. <https://doi.org/10.1007/s11266-017-9934-1>
9. Bovens, M., & Wille, A. (2010). The education gap in participation and its political consequences. *Acta Politica*, 45(4), 393-422. <http://dx.doi.org/10.1057/ap>

10. Braun, D., & Hutter, S. (2016). Political trust, extra-representational participation and the openness of political systems. *International Political Science Review*, 37(2), 151–165. <https://doi.org/10.1177/0192512114559108>
11. Britten, N., Campbell, R., Pope, C., Donovan, J., Morgan, M., Pill, R. (2002). Using meta ethnography to synthesise qualitative research: A worked example. *Journal of Health Services Research and Policy* 7(4), 209–215. <https://doi.org/10.1258/135581902320432732>
12. Brooks, R., & Hodkinson, P. (2008). Introduction. *Journal of Youth Studies*, 11 (5), 473–479. <https://doi.org/10.1080/13676260802282968>
13. Bruter, M. (2012). 'Breaking the wall of the polling booth'. Keynote speech presented at the Falling Walls conference, Berlin, 9 November. Retrieved from <https://falling-walls.com/videos/Michael-Bruter-1319>
14. Cammaerts, B., Bruter, M., Banaji, S., Harrison, S., & Anstead, N. (2014). The Myth of Youth Apathy: Young Europeans' Critical Attitudes Toward Democratic Life. *American Behavioral Scientist*, 58(5), 645–664. <https://doi.org/10.1177/0002764213515992>
15. Cammaerts, B., Bruter, M., Banaji, S., Harrison, S., & Anstead, N. (2016). Youth Participation and Exclusion: Towards Equal Treatment in Public Space, Education and the Workplace. In *Youth Participation in Democratic Life* (pp.167-197). Palgrave Macmillan, London. doi: 10.1007/9781137540218
16. Campbell, R., Pound, P., Morgan, M., Daker-White, G., Britten, N., Pill, R., Yardley, L., Pope, C., Donovan, J. (2011). Evaluating meta-ethnography: Systematic analysis and synthesis of qualitative research. *Health Technology Assessment*, 15(43). doi: 10.3310/hta15430
17. Campos, C. F. S., Heap, S. H., Lopez de Leon, F. L. (2017). The political influence of peer groups: experimental evidence in the classroom, *Oxford Economic Papers*, 69(4), 963- 985. <https://doi.org/10.1093/oep/gpw065>

18. Charles, N., Wadia, K., Ferrer-Fons, M., Allaste, A. (2018). «I'm a feminist, I'm not ashamed and I'm proud»: Young people's activism and feminist identities in Estonia, Spain and the UK. *Women's Studies International Forum*, 67, 23-29. doi:10.1016/j.wsif.2017.11.008
19. De Moor, J. (2016). The Two-Dimensional Structure of Political Opportunities: A Quantitative and Mixed-Methods Analysis of the Effect of Political Opportunity Structures on Nonelectoral Participation. University of Antwerp (Doctoral dissertation). Retrieved from <https://repository.uantwerpen.be/docman/irua/e7884e/133553.pdf>
20. Duke, N. N., Skay, C. L., Pettingell, S. L., & Borowsky, I. W. (2009). From adolescent connections to social capital: Predictors of civic engagement in young adulthood. *Journal of Adolescent Health*, 44(2), 161–168. doi:10.1016/j.jadohealth.2008.07.007.
21. Ekman, J. & Amnå, E. (2012). Political participation and civic engagement: Towards a new typology. *Human Affairs*, 22(3), 283-300. doi:10.2478/s13374-012-0024-1
22. Ekström, M. (2016). Young people's everyday political talk: a social achievement of democratic engagement. *Journal of Youth Studies*, 19(1), 1-19, doi: 10.1080/13676261.2015.1048207
23. Flanagan, C. A., & Christens, B. D. (2011). Youth civic development: Historical context and emerging issues. *New Directions for Child and Adolescent Development*, 2011(134), 1–9. <https://doi.org/10.1002/cd.307>
24. Freire, P. (1970). *Pedagogy of the oppressed* (MB Ramos, Trans.) New York: Continuum. *Original work published*. Retrieved from https://commons.princeton.edu/inclusivepedagogy/wp-content/uploads/sites/17/2016/07/freire_pedagogy_of_the_oppressed_ch2-3.pdf
25. Garcia Bedolla, L. (2012). Latino Education, Civic Engagement, and the Public Good. *Review of Research in Education*, 36(1),

- 23–42. doi:10.2307/41349022
26. Goffman, I. (1963) *Stigma: notes on the management of spoiled identity*. New York, N.Y.: Simon and Shuster.
27. Guiso, L., Sapienza, P., & Zingales, L. (2016). Monnet's Error?. *Economic Policy*, 31(86), 248–297. <https://doi.org/10.1093/epolic/eiw003>
28. Han, D. (2018). Turning a home into the common: the micro-politics of subjectivations in a cohousing community in Seoul. *Inter-Asia Cultural Studies*, 19 (3), 372-385, doi: [10.1080/14649373.2018.1497895](https://doi.org/10.1080/14649373.2018.1497895)
29. Harris, A., Wyn, J., & Younes, S. (2010). Beyond apathetic or activist youth: «Ordinary» young people and contemporary forms of participation. *YOUNG*, 18(1), 9–32. <https://doi.org/10.1177/110330880901800103>
30. Hill, D. (2006). *American Voter Turnout. An institutional perspective*. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780429502347>
31. Ho, E., Clarke, A., & Dougherty, I. (2015). Youth-led social change: Topics, engagement types, organizational types, strategies, and impacts. *Futures*, 67, 52–62. doi:10.1016/j.futures.2015.01.006
32. Hooghe, M., Marien, S. (2013). A comparative analysis of the relationship between political trust and forms of political participation in Europe. *European Societies*, 15(1), 131–152. <https://doi.org/10.1080/14616696.2012.692807>
33. Hooghe, M. (2014). Citizenship and participation. In L. LeDucR. Niemi & P. Norris *Comparing democracies*(pp. 58-75). 55 City Road, London: SAGE Publications, Inc. doi: 10.4135/9781473921108.n4
34. Kahne, J., & Westheimer, J. (2003). Teaching Democracy: What Schools Need to Do. *Phi Delta Kappan*, 85(1), 34–66. <https://doi.org/10.1177/003172170308500109>

35. Kimberlee, R. H. (2002). Why don't British young people vote at general elections?, *Journal of Youth Studies*, 5(1), 86–98.
<https://doi.org/10.1080/13676260120111788>
36. Kourilsky, M. L., Walstad, W. B., & Thomas, A. (2007). *The entrepreneur in youth: An untapped resource for economic growth, social entrepreneurship, and education*. Edward Elgar Publishing. Retrieved from https://books.google.ru/books?hl=ru&lr=&id=-zDr3sXaLd0C&oi=fnd&pg=PR6&dq=youth+is+resource+&ots=IY5ZsNUtxz&sig=c1x5Gyi6NYbOkImeprESlOJKVyU&redir_esc=y#v=onepage&q=youth%20is%20resource&f=false
37. Lechner, C. M., Pavlova, M. K., Sorthaix, F. M., Silbereisen, R. K. & Salmela-Aro, K. (2018). Unpacking the link between family socioeconomic status and civic engagement during the transition to adulthood: Do work values play a role? *Applied Developmental Science*, 22(4), 270-283.
 doi: [10.1080/10888691.2017.1291352](https://doi.org/10.1080/10888691.2017.1291352)
38. Lee, N.-J., Shah, D. V., McLeod, J. M. (2013). Processes of Political Socialization: A Communication Mediation Approach to Youth Civic Engagement. *Communication Research*, 40(5), 669–697.
<https://doi.org/10.1177/0093650212436712>
39. Levinson, M. (2012). *No Citizen Left Behind*. Cambridge, MA: Harvard University Press. doi:10.1353/rap.2013.0035
40. Lory, B., & Heise, D. (2000). From Shame to Pride In S. Stryker, T. J. Owens, and R. W. White (Eds.) *Identity Politics* (pp. 252-268). Minneapolis: University of Minnesota Press.
41. Marcus, G.E. (2011) Multi-sited Ethnography: Five or six things I know about it now. In: S. Coleman S and von P. Hellermann (Eds.) *Multi-Sited Ethnography: Problems and Possibilities in the Translocation of Research Methods* (pp.16-32). London: Routledge.

42. Martelli, A. (2013). The debate on young people and participatory citizenship. Questions and research prospects, *International Review of Sociology*, 23 (2), 421-437, doi:10.1080/03906701.2013.804289
43. McAdam, D. (1996). Conceptual Origins, Current Problems, Future Directions. In Doug McAdam, D., McCarthy, J. and M. Zald (Eds.), *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings* (pp.23-40). Cambridge: Cambridge University Press.
44. McLeod, J. M., & Shah, D. V. (2009). Communication and political socialization: Challenges and opportunities for research. *Political Communication*, 26, 1-10. doi: 10.17576/JKMJC-2018-3402-08
45. Meyer, D. (2004). Protest and Political Opportunities. *Annual Review of Sociology*, 30 (1), 25-145. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110545>
46. Montero, J. R., Westholm, A., van Deth, J. W. (2007). Conclusion: The Realisation of Democratic
47. Citizenship in Europe. In J. W. van Deth, J. R. Montero, A. Westholm (Eds.) *Citizenship and Involvement in European Democracies: A Comparative Analysis* (pp. 415-438). London & New York: Routledge.
48. Norris, P. (2003, November). *Young people & political activism: From the politics of loyalties to the politics of choice?* Report presented at the for the Council of Europe Symposium, Strasbourg, France. Retrieved from <https://sites.hks.harvard.edu/fs/pnorris/Acrobat/COE%20Young%20People%20and%20Political%20Activism.pdf>
49. Norris, P. (2011). *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511973383>

50. Opp, K.-D. (2009). *Theories of Political Protest and Social Movements. A Multidisciplinary Introduction, Critique, and Synthesis*. London: Routledge.
<http://dx.doi.org/10.29173/cjs9296>
51. Pacheco, J. S. (2008). Political socialization in context: The effect of political competition on youth voter turnout. *Political Behavior*, 30, 405–416. <https://doi.org/10.1007/s11109-008-9057-x>
52. Pattie, C., Seyd, P., & Whiteley, P. (2004). *Citizenship in Britain*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
<https://doi.org/10.1017/CBO9780511490811>
53. Pilkington, H. (2018). Employing meta-ethnography in the analysis of qualitative data sets on youth activism: a new tool for transnational research projects? *Qualitative Research*, 18(1), 108–130.
<https://doi.org/10.1177/1468794117707805>
54. Quaranta, M., & Dotti Sani, G. M. (2016). The Relationship Between the Civic Engagement of Parents and Children: A Cross-National Analysis of 18 European Countries. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 45(6), 1091–1112. <https://doi.org/10.1177/0899764016628677>
55. Riley, S. C. E., Griffin, C., & Morey, Y. (2010). The Case for ‘Everyday Politics’: Evaluating Neo-tribal Theory as a Way to Understand Alternative Forms of Political Participation, Using Electronic Dance Music Culture as an Example. *Sociology*, 44(2), 345–363. <https://doi.org/10.1177/0038038509357206>
56. Stevenson, N. (2003) Cultural Citizenship in the «Cultural» Society: a Cosmopolitan Approach. *Citizenship Studies*, 7(3), 331–348.
doi: 10.1177/1748048511398592
57. Stolle, D., Hooghe, M., & Micheletti, M. (2005). Politics in the supermarket: political consumerism as a form of political participation, *International Political Science Review*, 26 (3), 245–269. doi: 10.1177/0192512105053784

58. Vromen, A. (2003). 'People Try to Put Us Down ...': Participatory Citizenship of 'Generation X. *Australian Journal of Political Science*, 38(1), 79-99, doi: 10.1080/1036114032000056260
59. Vromen, A., & Collin, P. (2010). Everyday youth participation? Contrasting views from Australian policymakers and young people. *YOUNG*, 18(1), 97-112. <https://doi.org/10.1177/110330880901800107>
60. Westheimer, J., & Kahne, J. (2004). What Kind of Citizen? The Politics of Educating for Democracy. *American Educational Research Journal*, 41(2), 237-269. <https://doi.org/10.3102/00028312041002237>
61. Wray-Lake, L., Rote, W. M., Gupta, T., Godfrey, E., & Sirin, S. (2015). Examining correlates of civic engagement among immigrant adolescents in the United States. *Research in Human Development*, 12(1-2), 10-27. doi:10.1080/15427609.2015.1010343
62. Yoldaş, Ö. B. (2015). Civic education and learning democracy: their importance for political participation of young people. *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 174, 544-549. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.01.703>
63. Youniss, J., Bales, S., Christmas-Best, V., Diversi, M., McLaughlin, M., & Silbereisen, R. (2002). Youth civic engagement in the 21st century. *Journal of Research on Adolescence*, 12(1), 121-148. <https://doi.org/10.1111/1532-7795.00027>
64. Бауман, З. (2008). Текущая современность/Зигмунт Бауман: пер. с нем. СПб: Пупер. Retrieved from https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/politologija/bauman_z_tekuchaja_sovremennost/21-1-0-2379
65. Бек, У. (2000). *Общество риска. На пути к другому модерну. Монография*. Прогресс-традиция. Retrieved from <https://www.twirpx.com/file/624527/>

66. Гидденс, Э. (2004). Ускользящий мир. *Как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: *Весь мир*, 116, 30. Retrieved from <https://bookcheba.com/sotsiologii-pervoistochniki/uskolzayuschiy-mir-kak-globalizatsiya-menyaet.html>